

**ИСТОРИЯ
КАЗАХСТАНА
В ЗАПАДНЫХ ИСТОЧНИКАХ
XII-XV в.в.**

2

Серия книг по Государственной
программе «Культурное наследие»
выпускается по инициативе первого
Президента Республики Казахстан
Нурсултана НАЗАРБАЕВА

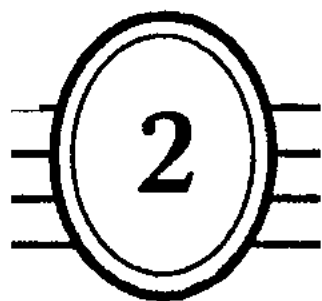
Редакционная коллегия Главной редакции
серии книг по Государственной программе
«Культурное наследие»:

Тасмагамбетов И.Н., главный редактор
Тажин М.М., заместитель главного редактора
Жанаханов К., ответственный секретарь
Абдильдин Ж.М.
Ауэзов М.М.
Байпаков К.М.
Зиманов С.З.
Калетаев Д.А.
Каскабасов С.А.
Кекилбаев А.
Кенжегозин М.Б.
Койгелдиев М.К.
Косыбаев Е.М.
Кул-Мухаммед М.А.
Магауин М.М.
Мамбеев С.А.
Нурпеисов А.К.
Нысанбаев А.Н.
Рахмадиев Е.Р.
Султанов К.С.
Сулейменов О.О
Хусаинов К.Ш.

RENÉ GROUSSET

L'EMPIRE DES STEPPES

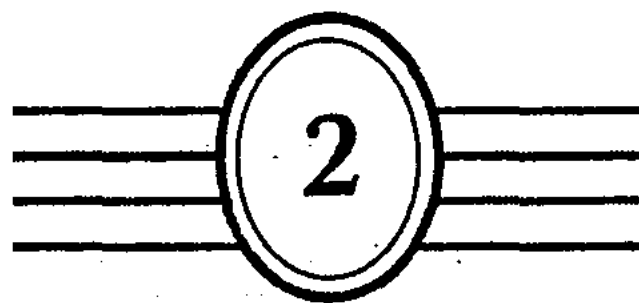
ATTILA, GENGIS-KAHN
TAMERLAN

РЕНЕ ГРУССЕ

ИМПЕРИЯ СТЕПЕЙ

АТТИЛА, ЧИНГИСХАН
ТАМЕРЛАН

Выпущено по заказу Комитета
информации и архивов
Министерства культуры, информации и
спорта Республики Казахстан

* * *

*Председатель Общественного совета государственной
программы «Культурное наследие» Тасмагамбетов И.Н.*

*Член Общественного совета по реализации государственной
программы «Культурное наследие» на 2004-2005 год,
руководитель секции «Исторические науки» Койгелдиев М.К.*

*Куратор серии «История Казахстана в западных
источниках XII-XV вв.» Сужиков Б.М.*

* * *

Груссе Р.

Г 90 Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан —
Том II. Пер. с франц. Х.К. Хамраева. /Сост. Б.М. Сужи-
ков. — Алматы: «Санат», 2005. — 336 с.

ISBN 9965-664-32-3

В книге на основе объемного фактологического материала дается подробнейшее описание жизни Великой Степи с периода античных времен по XVIII век. Повествование основано на исторических исследованиях автора с привлечением большого количества источников европейской, китайской, персидской и др. культур.

Новизна издания — в отображении точки зрения на известные события истории крупного западноевропейского исследователя, мнение которого лишено предвзятости и конъюктурности.

Книга адресована широкому кругу читателей.

© Груссе Р., 2003, 2005.

© Переводчик Хамраев Х.К., 2005.

© Составитель Сужиков Б.М., 2005.

© Худ. оформление ТОО

“Издательство “Санат”, 2005.

“Издательство “Санат”, 2003, 2005

МОНГОЛЫ — ЧИНГИСХАНИДЫ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Часть II

2. ТРИ ПЕРВЫХ НАСЛЕДНИКА ЧИНГИСХАНА

РАЗДЕЛ НАСЛЕДСТВА МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ ЧИНГИСХАНА

Каждый из четырех сыновей Чингисхана получил во время, когда еще был жив император, улус, то есть определенное количество племен вместе с юртом, иначе говоря, территориальный удел, степное пространство, необходимое для пастушеской жизни этих племен, а также инджу, то есть доход, пропорциональный нуждам двора и его обитателей, поступления, которые формировались за счет выплат оседлого населения подвластных провинций Китая, Туркестана и Ирана¹. Необходимо отметить, что фактически то, что должно было быть поделено, представляло собой тюрко-монгольскую степь, пастбищную землю кочевников. Завоеванная территория обрабатываемой земли вокруг Пекина или Самарканда становилась землей неделимой Империи. Сыновьям Чингисхана не приходил даже помысел принимать в расчет при разделе своих владений страну оседлых людей, что сделали бы император Китая, хан Туркестана, султан Персии. В то время эти идеи, которые возникнут у наследников Чингисхана лишь с 1260 года, были абсолютно неприемлемыми. В принципе, это разделение степи ни к чему не привело, с точки зрения единства империи чингисханидов. При существовавшей системе имперское правление оставалось неколебимым. Более того, как отмечает Бартольд, по законам кочевников, несмотря на абсолютную власть кагана, государство, как таковое, в меньшей степени принадлежит ему лично, чем правящей семье в целом.

Старший сын Чингисхана Джучи² умер за шесть месяцев до своего отца, в феврале 1227 года, в степях севернее Арала. Помимо того, что Чингисхан никогда официально не признавал законность его рождения, взаимная личная нетерпимость между ними обострилась к концу жизни Джучи. В течение 1222-

1227 годов, со времени взятия Ургенча, в котором, он принимал участие в качестве одного из полководцев (апрель 1221 года), Джучи удалился в свой удел в районе Тургая и Уральска и не принимал более участия в военных походах отца. Эта отставка вызвала подозрение завоевателя, который стал думать о том, что не замышляет ли его старший сын чего-то против него: смерть Джучи, возможно, предотвратила жестокий конфликт.

Бату, один из сыновей Джучи, унаследовал руководство его уделом. Представленный, согласно монгольской традиции, в качестве доброго и мудрого принца (он получил прозвище «Саин-хан», «хороший хан») и известный русским как жестокий завоеватель, он в дальнейшем сыграет ведущую роль в качестве основного действующего лица семейства чингисханидов при спорах за наследство имперского трона, тех раздорах, где он предстал как «интриган великих ханов»³. Однако его относительная молодость, смерть его отца и сомнения в законности этой генеалогической ветви не позволили сыграть «дому Джучи» эффективную роль в делах Империи. Тем не менее, согласно монгольским законам, которые закрепляли за старшими ту часть владений, которая была наиболее удалена от ставки родителей, семейство Джучи получило земли монгольской империи, которые простирались в направлении Европы. Фактически, это семейство получило степи западнее Иртыша, «настолько далеко, насколько земля будет касаться копыт монгольских лошадей», то есть Семипалатинск, Акмолинск, Тургай, или Актюбинск, Уральск, Адай и Хорезм (Хива), далее, с перспективой на завоевание всех территорий западнее Волги, в Кыпчакских степях. Эта экспансия была начата еще походами Джебе и Суботая.

Второй сын Чингисхана Джагатай⁴ (умер в 1242 году), который контролировал применение ясака, согласно монгольской традиции, был строгий и грозный поборник справедливости, скрупулезно-точный исполнитель, и, одновременно, педантичный хранитель чингисханидского свода правил, дисциплинированный солдат, знающий свое место, немного ограниченный, который никогда не выказывал недовольства, даже после того, как его отец предпочел ему на высший пост младшего брата Угэдэя. Джагатай получил в качестве удела степную зону старой империи каракитаев, начиная от страны уйгуров, на востоке, до Бухары и Самарканда, на западе. То есть, в основном, зону Или, Иссык-Куля, верхнего течения Чу и Таласа, и далее (так как говорится исключительно об оседлых территориях) Кашгарию и Мавераннахр. Причем в этой последней области города Бухара, Самарканд и т.д. напрямую

управлялись назначенцами великого хана. По свидетельству Чан-чу-ен, постоянная ставка Чагатая находилась на южном берегу Или.

Третий сын Чингисхана Угэдэй⁵, к которому мы еще вернемся, получил земли восточнее и северо-восточнее Балхаша, район Имиля и Тарбагатая, Черный Иртыш и Урунгу. Последний регион находится у древней страны найманов. Ставка Удэгэя обычно устраивалась на Имиле.

Наконец, согласно монгольской традиции, Толуй⁶, который был младшим сыном Чингисхана, оставался, как это и предписано законом, отчигином, или оджигином, хранителем дома, то есть наследником родительской вотчины, что находилась в регионе между рекой Тула, верхним течением Онона и верхним течением Керулена. Толуй предстает перед нами в качестве отважного солдата, мечтающего о завоеваниях в качестве талантливого полководца (показательна военная кампания под его управлением в Хо-нане в 1232 году); вместе с тем, склонным к попойкам (он скоропостижно скончался в октябре 1232 года в возрасте сорока лет) и без особых личных талантов. Однако он женился на женщине исключительно умной, принцессе Сойургактани, или Соргактани, из старинного правящего семейства керейтов (она была племянницей последнего ван-хана), приверженцев несторианской религии, как и все керейты, которая смогла позже обеспечить управление империей своим сыновьям.

Необходимо добавить, что семьи двоих из братьев Чингисхана, Кассара и Темуже Отчигина, были также наделены уделами. Так, Кассар получил прибрежные районы Аргуна и реки Хайлар, а Темуже – крайний восток Монголии, недалеко от древней страны джурджитов, входящей сегодня в провинцию Гирин.

Согласно монгольскому праву и в соответствии с титулом хранителя родного очага, Толуй был обязан после смерти Чингисхана осуществлять регентство (1227-1229 годы) в ожидании выборов нового великого хана. В этой должности он получил орду, дворцовый шатер своего отца, право располагаться в имперской ставке, и 101000 человек из 129000, которыми располагала монгольская армия в 1227 году (оставшиеся 28000 человек были также распределены: по 4000 направлялись каждому из оставшихся сыновей Чингисхана, 5000 – младшему брату Чингисхана Темуже, 3000 – сыновьям другого брата Чингисхана, Катчуна, 1000 – сыновьям третьего брата императора, Кассара, и 3000 – семье его матери Елун-еке.

Лишь весной 1229 года курултай, или общее собрание

монгольских принцев, собрался на берегах Керулена для избрания великого хана. Этот съезд был призван лишь утвердить волю Чингисхана, который уже назначил наследником своего третьего сына Угэдэя⁷.

ПРАВЛЕНИЕ УГЭДЭЯ (1229-1241 гг.)

Угэдэй, которого Чингисхан назначил своим преемником, был самым умным из его детей. В нем не было ничего от гения отца, его подавляющей страсти, его неумности, но он унаследовал от него здравый смысл и основательность в делах. Увалень, добряк и выпивоха, жизнелюб и достаточно милосердный, безгранично щедрый, он пользовался своим всемогуществом, чтобы кутить и жить в свое удовольствие. В остальном дела монгольской империи шли своим чередом благодаря узаконенной силе ясака.

Угэдэй обосновал свою основную резиденцию в Каракоруме. Выбор этого месторасположения имел историческую значимость. Именно в этом регионе верхнего Орхона большинство прежних тюрко-монгольских империй держали свою «столицу»: от хуннов древности до восточных ту-кю раннего средневековья. Неподалеку от этого места в VIII-м веке располагался Кара-Балгасун, Орду-Балык уйгурских каганов, и этим названием Орду-Балыка (Город-Дворец) называлась прежде столица чингисханидов. И уже в период правления Чингисхана Каракорум, вероятно, начиная с 1220 года, был избран формальной столицей, но настоящей столицей новой империи Каракорум стал в 1235 году, что является заслугой Угэдэя, который его перестроил, окружив защитной стеной⁸.

В то же время Угэдэй полностью доверился китаизированному киданьцу Елю Чуцаю, который приложил немало усилий для того, чтобы военная империя монголов полностью стала также гражданской империей, наподобие китайского образца. Согласившись с просвещенными уйгурами, он организовал монгольскую государственную канцелярию с китайским, тангутским, уйгурским и персидским отделами (уйгурский отдел длительное время занимал господствующее положение). Для военных потребностей монголы вскоре создали систему имперской почтовой службы. Елю Чуцай и другие приближенные Угэдэя установили вдоль дорог, выделенных для этой цели, почтовые станции на определенных расстояниях друг от друга, где находились зерновые амбары⁹. Елю Чуцай, постарался сделать так, чтобы у монгольской

империи был фиксированный бюджет, а китайцы платили налог серебром, шелковыми тюками и зерном, собранными с каждого двора, монголы отдавали 10 % лошадей, крупного рогатого скота и овец. С этой целью завоеванные территории Китая, которые рассматривались до того периода, как заброшенные места, куда совершались время от времени грабительские набеги, были разделены в начале 1230 года на десять официальных департаментов с административным персоналом, составленным из числа монгольских чиновников и образованных китайцев. Елю Чуцай открыл также в Пекине и Пингянге школы для «конфуцианского» воспитания молодых монгольских вельмож и, наоборот, привлек в монгольскую администрацию большое количество присоединившихся китайцев. Он сказал Угэдэю: «Империя создана кавалерией, но ею нельзя управлять на лошадях»¹⁰.

Так же, как и Елю Чуцаю, Угэдэй доверял несторианскому керейту Чинкаю, которого в свое время оценил Чингисхан и которого Плано Карпини считал «протонотариусом», то есть хранителем печати империи. Пеллио пишет: «Никакой указ не мог быть утвержден в Северном Китае без того, чтобы Чинкай не сопровождал его строчкой, написанной на уйгурском алфавите»¹¹.

С военной точки зрения, при Угэдэе монголы завершили завоевание Северного Китая, Персии и Южной России.

РАЗРУШЕНИЕ МОНГОЛАМИ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ

В Китае назревали новые события. После смерти Мукали в то время как Чингисхан действовал на западе, цины стали выказывать подозрительную активность: этот древний народ джурджитов, в котором еще была сильна тунгусская кровь, проявил удивительную жизнестойкость. Цины закрепились не только в Хунани, у Кайфына, их новой столицы, но и отобрали у монголов почти весь бассейн реки Вэй в Центральном Шаньси, включая важный пункт Тонгкуана, который прикрывал вход в Хунань и крепость Хочонг (нынешний Пучэу), которая располагалась на севере напротив Желтой реки в юго-западном изгибе Шаньси. Последний правитель цинов Нинкиасу (1223-1234 гг.) строил планы на будущее¹².

Монголы проявили свое враждебное отношение к этим шагам, захватив в 1231 году города бассейна Вэй: Пинлинг, Фонгсианг и так далее. Чтобы организовать кампанию в 1232 году, они разработали грандиозный план¹³. Не сумев пройти

подступы к Тонгкуангу, они повернули на северо-восток и юго-запад. В то время как Угэдэй с основными силами армии, располагая значительным количеством воинов, захватил Хочонг, что ему позволило пересечь в низовьях Желтую реку, его брат Толуй во главе 30000 всадников совершил огромный рывок, повернув через юго-запад¹⁴. Грубо нарушая границы территории Сун, он прошел по долине Вэя к верхнему Ханю, захватил (на территории династии Саун) Ханьчонг, спустился в Сычуань, в долину реки Киалинг, опустошил район Поанинга, затем, пройдя в северо-восточном направлении через средний бассейн Ханя (он пересек Хань 31 января 1232 года), неожиданно возник на территории цинов на юге Хунани у Нанинга. Одновременно Угэдэй со своими основными силами, захватив Хочонг, пересек Желтую реку и овладел Хунанем с севера (февраль 1232 года). Две монгольские армии соединились в сердце Хунаня (нынешний Ючэу), города, около которого несколько дней назад Толуй разгромил цинов.

В этой яростной борьбе цины проявили образцы мужества, вызвавшие восхищение у монгольских военных, великих знатоков искусства ведения боя. Их военачальники предпочитали идти, скорее, на верную смерть, чем сдаваться на милость победителю. Однако их положение было отчаянным. На северо-западе монголы захватили Тонгкуан (март 1232 года). Угэдэй поручил лучшему монгольскому стратегу Суботаю, завоевателю Персии и России, взять в осаду Кайфын, столицу цинов. Город сдался после длительного сопротивления в мае 1233 года. Елю Чуцай добился от Угэдэя, чтобы город не был разрушен, так как он стал владением монголов. До окончательного поражения повелитель цинов Нинькиасу покинул Кайфын для того, чтобы организовать сопротивление в провинции. Вначале он скрылся в Куэйто, затем — в небольшом местечке в Цайчэу (нынешний Жюнинг). Именно в этом последнем городе, где монголы организовали завершающий штурм, он покончил жизнь самоубийством (февраль-март 1234 года)¹⁵. Суны, для того, чтобы отомстить своим старым врагам, выделили отряды пехотинцев, которые приняли участие в захвате города.

Падение Цайчэу завершило присоединение цинского царства к монгольской империи. Отныне монголы стали непосредственными соседями национальной китайской империи Саун. В качестве вознаграждения за их содействие в конечной стадии войны против цинов Угэдэй выделил династии Саун несколько уездов в юго-восточной части нынешнего Хунаня. Император династии Саун Лицзун

(1225-1264 гг.) или, вернее, его правительство, посчитав, что их недостаточно вознаградили и позарившись на весь Хунань, совершили безумный поступок, напав на монголов¹⁶. Вначале китайские отряды без боя вновь овладели Кайфыном и Лояном (июль-август 1234 года). Естественно, что монголы их тотчас же прогнали оттуда, а Угэдэй на курултае, состоявшемся в Каракоруме, решил завоевать всю империю Саун (1235 г.).

Три монгольские армии захватили империю Саун. Первая армия под командованием Кадана¹⁷, сына Угэдэя, вошла в Сычуань и захватила Чэнду (октябрь 1236 года); вторая армия под началом Кучу, другого сына Угэдэя, и командующего Тэмэтая оккупировала Сиангянг в Хубее (март 1236 г.); третья армия во главе с принцем Кюн-букой¹⁸ и полководцем Чаганом дошла до верхней части Хуангчэу в нижнем течении части нынешнего Ханькэу на Янцзы, но долго там не продержалась. К тому же с 1239 года Сиангянг перешел под власть династии Саун. Фактически эта война уже длилась сорок пять лет (1234-1279 гг.), и Угэдэй был ее участником с самого начала. Четвертая монгольская армия двинулась на завоевание Кореи. Начиная с декабря месяца 1231 года, корейская столица Кайсенг, на северо-западе нынешнего Сеула, была захвачена монголами, которые взяли страну под свой протекторат с 72 даругачами для ее управления, но со следующего года все монгольские резиденты были уничтожены по приказу правителя Кореи Коджонга, который затем скрылся на островке Кангхуа на западе от Сеула (июль 1232 года).

Новая армия, посланная Угэдэем, почти полностью заняла Корею (1236 г.), по крайней мере, ее континентальную часть, так как корейские правители, выражая протест против порабощения (вассальное посольское подчинение, начиная с 1241 года), в течение тридцати лет скрывались на острове¹⁹.

ЗАВОЕВАНИЕ МОНГОЛАМИ ЗАПАДНОЙ ПЕРСИИ

Когда Угэдэй занял трон, перед ним встала задача вновь захватить Иран. Нам известно, что в ноябре 1221 года Чингисхан заставил Джелал ад-Дина Мангуберди, наследника хорезмской империи, скрыться в Индии. Султан Дели тюрк Ильгутмиш принял ссыльного изгнанника и женил его на своей дочери, но так как Джелал ад-Дин организовал заговор против него, тот изгнал его (1223 г.). Чингисхан во главе внушительной монгольской армии овладел Туркестаном, оставив после себя полностью разрушенными Хорасан и Афганистан, истребив

большую часть жителей, особенно это касается городов, вроде «ничейной земли», где монголы не создали никакой законной администрации при уходе, Центральная и Западная Персия после разбойного нападения Джебе и Суботая такие остались в полной анархии. Это не было, собственно говоря, завоевание, а напоминало хаотичный разгром силами разбушевавшейся орды, хотя все осуществлялось регулярной армией, действовавшей по всем правилам ведения войны, и несмотря на то, что монголы оставались там три года.

Джелал ад-Дин воспользовался тем безразличием, которое монголы проявили по отношению к положению в Иране, предпринял попытки для того, чтобы снова вернуться туда (1224 г.)²⁰. Представитель последней законной власти, которая предшествовала монгольскому нашествию, был без особого труда признан султаном-атабеком и законными тюркскими наследниками Кирмана и Фарса (в Кирмане — Бурак Хаджип, основатель местной династии Кутлук-ханов, в Фарсе — Саид ибн-Зенги (1195-1226 гг.), из династии Сальгуридов). Выступив из Шираза, Джелал ад-Дин захватил Исфаган и аджемийский Ирак, отняв их у своего брата Гийатад-Дина, который создал там свое княжество, затем он последовал на захват Азербайджана. Атабек Азербайджана Узбек (1210-1225 гг.), выходец из мощного тюркского феодального клана, которому принадлежала эта провинция с 1136 года, сумел, используя выплату огромной дани, пережить вторжение Джебе и Суботая, но ему не повезло с Джелал ад-Дином, который заставил Таурис капитулировать и был признан всей провинцией (1225 г.). Оттуда хорезмский принц двинулся на Грузию. Это христианское царство четыре года назад подверглось вторжению Джебе и Суботая. Оно с трудом восстанавливалось при правлении прославленной царицы Русудан (1223-1247 гг.), сестры-наследницы Георгия III, когда произошло нашествие Джелал ад-Дина. Султан одержал победу над грузинами в Карни, или Гарни (август 1225 года), а на следующий год вновь вторгся в Грузию, разорил Тифлис, где разрушил все христианские церкви (март 1226 года); в третий раз он вернулся в 1228 году и одержал еще раз победу над грузинской армией под началом Коннатабля Иванэ²¹, в Миндоре у Лоре. Эти походы на Кавказ завершили укрепление власти Джелал ад-Дина в Азербайджане.

Таким образом, Джелал ад-Дин стал хозяином всего Западного Ирана: Кирмана, Фарса, аджемийского Ирака, Азербайджана со столицами Исфаганом и Таурисом. Это явилось частичным восстановлением, в основном в западной части, бывшей Хорезмской империи. Но этому блестящему

воину удивительным образом не доставало политического чутья. Проявив небывалую отвагу, которая принесла ему славу одного из самых примечательных искателей приключений мусульманского мира, наследник султанов Хорезма продолжал вести себя на персидском троне как странствующий рыцарь. Вместо того, чтобы основательно заняться персидским царством, для того, чтобы быть готовым к неизбежному возвращению монголов, этот выдающийся борец исламского мира поссорился с основными мусульманскими монархами Западной Азии, своими естественными союзниками. Он пригрозил нашествием багдадскому халифу (1224 г.), затем после длительной осады отобрал укрепленное место Хилат (на северо-западе от озера Ван в Армении) у аюбидского султана Дамас аль-Ашрафи (взятие Хилата 2 апреля 1230 г.)²². Он закончил тем, что восстановил против себя коалицию аль-Ашрафа и сельджукского султана Ала ад-Дин Кай - Клбада I, правителя тюркской Малой Азии (султанат Кони).

В августе 1230 года эти два монарха нанесли Джелал ад-Дину у Эрзинджана сокрушительное поражение, которое сломило его. И именно в этот период было совершено новое вторжение монголов.

Великий хан Угэдэй решил послать в Персию, чтобы покончить с неожиданной реставрацией хорезмской империи, армию численностью в 30000 человек под командованием нойона Чормагана, или Чормакана²³. Зимой 1230-1231 года монголы с невероятной быстротой, используя дороги Хорасана и Рэи, до того, как Джалал ад-Дин смог собрать свои войска, устремились прямо на Азербайджан, где находилась его ставка. Узнав эту новость, великолепный рыцарь схватился за голову. Покинув Таурис, он бежал к долинам Могана и Аррана у устья рек Аракса и Куры, затем в Диарбекир, постоянно преследуемый по пятам, как когда-то его отец, которого гоняли монгольские передовые части. Его жизнь таинственным образом оборвалась в горах Диарбекира от рук курдского крестьянина 15 августа 1231 года.

Чормаган в течение десяти лет, с 1231 по 1241 год, находился во главе монгольской армии, которая стояла на северо-западе Персии. Обычно он проводил время в долинах Могана и Арраны в нижнем течении Куры и Аракса²⁴, потому что тамощние степи с их обильной травяной растительностью подходили для выпаса военной кавалерии. По тем же причинам Моган и Арран стали одними из любимых мест пребывания монгольских ханов Персии, начиная с 1256 года. Именно с этих пастбищ на северо-востоке Азербайджана монголы правили в

течение столетия древним оседлым Ираном и его утонченной городской цивилизацией.

Как только Джелал ад-Дин исчез из политической и военной жизни, Чормаган бросил свою небольшую армию на ирано-месопотамские границы. В Армении монголы уничтожили население Битлиса и Арджиша. В Азербайджане они овладели Марагой, где также учинили кровавый разбой. Извлекая урок из происходящих событий, жители Тауриса предпочли подчиниться, заплатив столько, сколько от них запросили, и успокоили Чормагана, организовав производство изысканных тканей для Великого хана Угэдэя (1223 г.). На юге были полностью опустошены Диарбекир и Эрбиль. Ибн аль-Атир делится своими непосредственными впечатлениями от увиденных сцен кровавой расправы. «Один из жителей Ничибина рассказал мне, как спрятавшись в одном из домов, он видел через отверстие, что происходило снаружи: каждый раз, когда монголы убивали кого-то, они орали (в насмешку повторяя мусульманское заклинание): «алла-лахи». Завершив резню, они перешли к грабежу и увели с собой женщин. Я видел, — продолжает он, как их тянули за волосы; они хохотали, распевая на своем языке, произнося: «алла-лахи». Вот другая история, рассказанная тем же Ибн аль-Атиром: «Мне довелось услышать о случаях, в которые верится с трудом, настолько невероятен был ужас, который Аллах заронил в их сердца. Рассказывают, например, как один из татарских всадников устремился в одну многолюдную деревню и начал истреблять жителей одного за другим и никто не осмелился оказать ему сопротивление. Я слышал о том, как другой татарин, не имея при себе оружия и пожелав прикончить кого-то из жителей, которого взял в плен, приказал тому лечь на землю, сам пошел за саблей, которой зарубил несчастного, так и не сдвинувшегося с места. Вот еще рассказ очевидца: «Я и мои семнадцать спутников находились в пути, мы встретили татарского наездника, который приказал нам связать друг другу руки за спиной. Мои спутники стали выполнять его приказ; я сказал им: «этот человек один, давайте убьем его и сбежим. — Мы испытываем большой страх, — заявили они. — Но этот татарин, когда вернется, перебьет вас всех. Так прикончим же его! — Может Аллах нас спасет?! — Клянусь вам, никто из них не осмелился сделать то, что я предложил. Тогда ударом ножа я прикончил его, мы сбежали, и нам удалось спастись»²⁵.

На Кавказе монголы разрушили Гянджу, затем захватили Грузию и вынудили царицу Русудан бежать из Тифлиса в Кутаиси (к 1236 году). Регион Тифлиса отошел под монгольский

протекторат; грузинские феодалы служили во вспомогательных отрядах в монгольских войсках. В 1239 году Чормаган захватил города Ани и Карс в Великой Армении, которые принадлежали семье грузинского конатемля Иванэ и которые также были опустошены²⁶.

Следует отметить, что, несмотря на военные действия в Армении и Грузии, Чормаган, в принципе, не проявил враждебности к христианству, имея по родственной линии христиан-несторианцев²⁷. Впрочем, в период его деятельности между 1233 и 1241 годами Великий хан Угэдэй направил ему в Азербайджан в качестве военного комиссара по христианским делам сирийского христианина Симеона, как говорит об этом Раббан-ата²⁸, который сам покровительствовал армянским общинам²⁹.

Преемником Чормагана во главе монгольской армии в Персии (то есть Могана и Аррана) стал нойон Байджу, который исполнял эти обязанности с 1242 по 1256 годы³⁰. Байджу сделал очень важный шаг в монгольских завоеваниях, напав на сельджукский султанат Конию. Это огромное тюркское царство Малой Азии, где правил султан Кай-Хосров II (1237-1245 гг.), казалось, достигло своего апогея, когда Байджу, захватив и ограбив Эрзерум (1242 г.), разгромил сельджукскую армию под командованием Кезадапа при Эрзинджане (26 июня 1243 года). Это была победа, после которой он оккупировал Сиваш, который сдался вовремя и подвергся только грабежу. Токат и Кайсария, организовавшие сопротивление, были полностью уничтожены. Кай-Хосров II взмолился о мире и получил его, став взамен вассалом Великого хана. Эта военная кампания расширила империю монголов до самых границ греческой империи³¹.

У хитроумного царя Армении, то есть Цилиции, Хэтума I (1226-1269 гг.) хватило дальновидности, чтобы, не задумываясь, стать под монгольский сюзеренитет, чему последовали все его преемники, и это дало армянам в качестве покровителей монголов в противостоянии мусульманским сельджукам или мамелюкам, этих новых хозяев Азии (1244 г.)³². В 1245 году Байджу усилил монгольское владычество в Курдистане, оккупировав Хилат и Амид. Монголы, впрочем, передали Хилат своим грузинским вассалам клана Иванэ. Атабек Мосула Бедр ад-Дин Лулу такой же осторожный политик, что и Хэтум, также по своей воле признал монгольский сюзеренитет.

ПОХОДЫ БАТЫЯ И СУБОТАЯ НА ЕВРОПУ

В это время по приказу Великого хана Угэдэя крупная монгольская армия в составе 150000 человек развертывала военные действия в Европе. Она действовала под номинальным руководством Батыя, хана приаральских степей и Урала. В его распоряжении находились представители всех чингисханидских ветвей: Орда, Берке и Шейбан, братья Батыя, Гуйюк и Кодан, двое сыновей, и Кайду, внук Угэдэя, Мунке, сын Толуя, Байдар и Бури, сын и внук Чагатая³³. Реальным предводителем был Суботай, победитель Персии, Руси и Китая, ему было шестьдесят лет.

По мусульманским источникам, военная кампания началась осенью 1236 года с разрушения тюркского царства болгар Камы. Суботай опустошил и превратил в руины столицу этой страны торговый город Булгар, расположенный около Волги на юге притока Камы³⁴. (По русским источникам, эти события произошли осенью 1237 года).

В начале весны 1237 года монголы напали на тюрков — язычников, наполовину необузданных кочевников русских степей, называемых мусульманами — кыпчаками, «команами» — по венгерски, «византийцами» и «половцами» — по-русски³⁵. Часть кыпчаков подчинилась. Именно эти тюрки в дальнейшем сформировали основу населения монгольского ханства, называемого по имени бывших хозяев страны «Кыпчакским ханством», известного также под именем Золотой Орды, и которая относилась к родственной ветви династии Джучи. Один из кыпчакских предводителей по имени Бачман в течение некоторого времени оказывал сопротивление на берегах Волги. Закончилось это тем, что он был захвачен на одном из островов нижнего течения реки (зима 1236-1237 гг.)³⁶. Мунке разрубил его на две части. По свидетельству Рашид-ад-Дина, в 1238 году состоялась последняя военная кампания Берке, которая завершила разгром кыпчаков. Именно тогда кыпчакский предводитель Кутан (о нем мы упоминали, когда говорили о кампании Джебе в 1222 году) эмигрировал с сорока тысячами «семей» и скрылся в Венгрии, где он принял христианство зимой 1239-1240 гг. К декабрю 1239 года монголы завершили завоевание степей Южной России, завладев под руководством Мунке городом Магас, Манкас, или Монкас, который по видимому, являлся столицей аланов, или азесов, («азод» — по-монгольски)³⁷.

В период между этими двумя кампаниями в степях Южной России состоялся поход против самих русских княжеств,

территориальная раздробленность которых облегчала задачу монголам. Два рязанских князя — Юрий и Роман — укрылись, один — в Рязани, другой — в Коломне. Рязань была взята, Юрий убит, а население вырезано (21 декабря 1237 года). Самый влиятельный из русских правителей великий князь суздальский Юрий II напрасно выслал подкрепление защитникам Коломны: Роман был побежден и убит на подступах к городу, а Коломна, в свою очередь, попала в руки захватчиков. Тогда еще незначительная по численности населения Москва была разграблена (февраль 1238 года). Великий князь Юрий II не смог помешать монголам разрушить города Суздаль и Владимир. Суздаль был сожжен. Владимир, который был захвачен штурмом 14 февраля 1238 года, подвергся ужасному террору, население уничтожалось в полыхающих от пожара церквях, в которых оно скрывалось. Сам Юрий II потерпел поражение и был убит в решающей битве на Сите, или Сити, притоке Мологи (4 марта 1238 года). Другие монгольские отряды опустошили Ярославль и Тверь. Новгород, который находился в северной части Руси, был спасен только благодаря резкой оттепели.

В конце следующего года возобновились походы, направленные на этот раз против Украинской Руси. Разгромив Чернигов, монголы захватили и полностью разрушили Киев (6 декабря 1240 года). Затем опустошили русское княжество Галич, или Галицию, князь которой Даниил скрылся в Венгрии.

Во время этих походов стали возникать трения между монгольскими принцами. Один из сыновей Угэдэя Гуйюк и внук Чагатая Бури, которые очень ревниво относились к превосходству Батыя, проявили признаки несоблюдения субординации по отношению к Батыю до такой степени, что Угэдэй был вынужден призвать их к себе. Между Батыем и Бури произошла даже крупная ссора. Мунке, сын Толуя, также покинул армию, но оставался в хороших отношениях с Батыем. Эта размолвка Батыя с Гуйюком и Бури и его дружба с Мунке имела весьма значительные последствия для монгольской истории.

С Украины часть монгольской армии под началом Байдара и Кайду двинулась на Польшу³⁸. Зимой 1240-1241 годов монголы перешли по льду реку Вистюль (13 февраля 1241 года), опустошили Сандомиры и немедля двинулись в окрестности Кракова. Они разгромили польскую армию в Шмильнике (18 марта 1241 года) и пошли на Краков, откуда польский принц Болеслав IV сбежали и укрылся в Моравии. Войдя в обезлюдевший Краков, монголы подожгли город. Они проникли в Силезию:

под командованием принца, которого польские историки называют Пета, коим, несомненно, является Байдар. Они перешли Одер в Ратиборе и столкнулись с польским герцогом Хендриком Силезским, под началом которого находились 30000 человек войска. Туда входили поляки, немецкие крестоносцы и тевтонские рыцари. 9 апреля эта армия была раздавлена, а герцог убит в Вальштаде, у Линитцы. Одержав победу, монголы пошли на Моравию и разрушили страну, но им не удалось захватить город Ольмюц, который защищал Ярослав Стенбергский. Из Моравии армейский корпус двинулся на воссоединение с другими монгольскими армиями, которые действовали в Венгрии.

В это время, фактически, вся остальная часть монгольских войск под предводительством Батыя и под общим руководством Суботая проникла в Венгрию тремя основными отрядами: первый отряд под командованием Шейбана прибыл с севера, между Польшей и Моравией; второй отряд под началом Батыя, прибывшего из Галиции, направился через ущелья Карпат между Унгваром и Мункачой, вынудив обратиться в бегство 12 марта 1241 года наместника, который должен был защищать эти края; третий отряд под командованием Кадана, прибывшего из Молдавии, захватил Вараден и Гзаиад, которые были разрушены, население уничтожено с применением чудовищных зверств. Частично ограниченная мобилизация произошла у Пешта между 2 и 5 апреля³⁹. В Пеште венгерский король Бэла IV в спешном порядке собирал армию. Когда он вышел навстречу монголам 7 апреля, они, не спеша, отступили до притока Сайо и Тисы. Именно там, на юге Мохи, в верхнем течении притока, Суботай одержал 11 апреля 1241 года одну из своих самых замечательных побед. Джувейни и Рашид-ад-Дин показывают нам Батыя накануне битвы, подымающегося наподобие своего предка Чингисхана на возвышенность, чтобы обратиться в течение дня и ночи к Тенгри, Небу, Высшему Божеству монголов. Две армии стояли на разных берегах Сайо. В ночь с 10 на 11 Суботай переправился через реку со своими войсками между Жиринесом и Нажи Чзеком⁴⁰. На следующий день утром он бросил в бой отряды с флангов, которые стремительно окружили вражеский лагерь до верховьев Чзакалды. По свидетельству Джувейни, решительный удар нанес Шейбан, брат Батыя. Венгры были полностью разгромлены, уничтожены или бросились врассыпную. Монголы взяли штурмом и подожгли Пешт, в то время как король Бэла скрылся в стороне Адриатики. Население было подвергнуто неслыханному насилию, которое чаще всего заканчивалось

коллективной резней побежденных. Хроники Рогерий Венгра полны трагических страниц, почти всегда одинаковых по сути: монголы с большим коварством оказывали содействие успевшим бежать жителям вновь вернуться в родные дома, обещая им полную амнистию, но затем, когда несчастные возвращались, поверив им, их изрубали всех до последнего. В других случаях они гнали своих пленных впереди себя при осаде укрепленных городов. «Они держались позади этих обездоленных людей и разражались хохотом, когда те падали, и уничтожали всех, кто отступал». Заставив крестьян выращивать для них урожай, они затем перерезали им горло, наподобие того, что они делали с женщинами из деревень, наглумившись над ними, они отправляли их подальше, чтобы сделать свои грязные дела⁴¹. Вся страна, вплоть до Дуная, попала под иго, за исключением редких крепостей, таких, как Гран (Стигония) и Альба Джулия, которые продолжали оказывать сопротивление. В июле 1241 года монгольские гонцы достигли даже Нейштадта около Вены. Батый лично переправился через Дунай по льду 25 декабря 1241 года и захватил Гран.

Монголы, которые в венгерских просторах обнаружили сходство с их родными степями, остались там на лето и осень 1241 года. Они ограничились тем, что в начале 1242 года послали принца Кадана по следам короля Бэлы, который скрылся в Хорватии и откуда по приближении передовых монгольских отрядов скрылся на Далматском архипелаге. Кадан последовал до Спалато и Каттаро на Адриатике и вернулся в Венгрию после того, как разрушил второй из этих городов (март 1242 год).

Однако в Монголии 11 декабря 1241 года скончался Великий хан Угэдэй. Вопрос о праве наследования способствовал уходу монголов из Венгрии. Как известно, Гуйюк и Мунке уже вернулись в Монголию, другие военачальники спешили сделать тоже самое. Подобное обстоятельство, несомненно, явилось спасением для Запада от более серьезной опасности, которая нависла над ним со времен Атилы. Монголы приступили к выводу войск, но вновь прибегли к вероломству, заставив своих пленников поверить в то, что они свободны и могут возвращаться к себе. Затем они нагнали несчастных и порубили их. Батый медленно возвращался по дороге вдоль Черного моря через Болгарию (весна 1242 года), откуда зимой 1242-1243 годов он достиг, пройдя Валахию и Молдавию, своих мест обитания на нижней Волге.

Итогом этих кампаний монголов 1236-1242 годов стало значительное расширение на западе от Волги владений клана Джучи. Этот улус, по завещанию Чингисхана, включал все

территории, где прошли монгольские всадники к западу от Иртыша. Теперь же следы копыт стали маршрутом непрерывного кавалерийского перехода от Иртыша до Нижнего Днестра, то есть до устья Дуная. Эти необъятные пространства стали законным образом владениями Батыя, который был, хотя и номинально, предводителем военной кампании 1236 - 1242 годов. С тех пор в истории он носит имя завоеванной им страны с титулом «хана Кыпчакии».

РЕГЕНТСТВО ТОРАГАНЫ (1242-1246 гг)

После смерти Удэгэя (11 декабря 1241 года) регентство было доверено его вдове — энергичной хатун Торагане⁴². Эта принцесса, которая первый раз выходила замуж за меркитского предводителя⁴³ и которую считают меркитского происхождения, вероятно, была найманкой, и находилась у власти с 1242 по 1246 год. Угэдэй завещал трон своему третьему сыну Кучу, а затем, когда тот был убит на войне против династии Сун (1236 г.), трон был завещан старшему сыну Кучу молодому Ширамону. Но Торагана желала, чтобы Великим ханом стал ее сын Гуйюк. Она продолжала править в качестве регентши, чтобы подготовить избрание ханом Гуйюка.

Период правления Тораганы был отмечен отстранением многих советников Угэдэя, особенно керейтского несторианца Чинкая, хранителя печати покойного императора⁴⁴, и китаизированного киданьца Елю Чуцай, исполнявшего при Угэдэе функции министра финансов, которому она предпочла мусульманина Абдурахмана, обещавшего регентше удвоить собираемые налоги. Елю Чуцай, будучи свидетелем отклонения его мудрых советов и зная, что чрезмерное налоговое бремя плохо отразится на уровне жизни народа, умер некоторое время спустя от горестных переживаний в Каракоруме, едва достигнув возраста пятидесяти пяти лет (июнь 1244 года). Торагана отстранила от должностей еще двух крупных администраторов: на какое-то время мусульманина Махмуда Ялавача, правителя Туркестана и Мавераннахра, и, насовсем, уйгура Коргюза, правителя Восточной Персии, которого она велела казнить, и заменила его ойратом Аргуном Агхой⁴⁵.

Регентское правление, несмотря на то, что ему покровительствовал постаревший Чагатай, было, однако, недостаточно организовано⁴⁶. Немного времени спустя после начала своего правления, самый молодой брат Чингисхана Темюже Очижин, владения которого простирались, как мы это знаем,

между Восточной Монголией и регионом Чжирина, направился со своим войском в имперскую орду с весьма подозрительными намерениями. Прибытие Гуйюка, возвратившегося из Европы в свой улус на Имиле, похоронило его неблагоприятные планы. Более серьезной явилась вражда хана Кыпчакии Батыя, личного врага Гуйюка, к которому он питал ненависть из-за того, что тот отказался подчиниться ему в период русской военной кампании и за что был отозван. Батый, как смог, оттягивал время созыв курултая, на котором Торагана намеревалась заставить избрать Великим ханом Гуйюка. Когда участники были созваны, то Батый, сославшись на болезнь, не явился на курултай⁴⁷.

ПРАВЛЕНИЕ ГУЙЮКА (1246-1248 гг.)

Курултай состоялся весной и летом 1246 года около небольшого озера Кукунор у истоков Орхона, неподалеку от Каракорума. Там был установлен огромный городок из шатров — Сира-орда, Желтая (Золотая) резиденция, куда съехались все чингисханидские принцы, за исключением Батыя, а также многочисленные правители провинций и вассалы. Отметим среди них: Масуда Ялавача, ставшего управляющим Туркестана и Мавераннахра, Аргун Агу, управляющего Персией, двух грузинских претендентов — Давида Нарина и Давида Лешу, великого русского князя Ярослава, коннетабля Семпада, брата царя Армении (Цилиции) Хэтума I⁴⁸, сельджукида Килидж Арслана IV, султана Малой Азии с 1249 года, представителей атабека Кирмана из Фарса и Мосула, а также посланника Багдадского халифа. В соответствии с пожеланиями регентши Тораганы курултай избрал Великим ханом сына Угэдэя принца Гуйюка, который был возведен на трон 24 августа 1246 года⁴⁹. Новый Великий хан, впрочем, согласился взять на себя полноту власти при условии, что империя останется с наследственным правом по линии его клана. «И тогда монгольская знать обнажила свои головы, расстегнула свои пояса, усадила на золоченный трон Гуйюка и приветствовала его, выкрикивая титул каана. Участники курултая оказали честь новому монарху, совершив девять земных поклонов, и все те, кто присутствовал в долине, вассальные принцы, иностранные дипломаты, которые почтительно стояли за пределами ограждения имперского шатра, простерлись одновременно лицом вниз к земле»⁵⁰.

Сведения о курултае, состоявшемся в 1246 году, нам хорошо известны из донесения монаха ордена францисканцев Джаванни Плано Карпини, посланного к монголам Папой.

Иннокентием IV в качестве уполномоченного за доставку папского послания, в котором был призыв к монголам не нападать на другие нации и принять христианство. Покинув Лион 16 апреля 1245 года, он пересек Германию, Польшу, Русь (он выехал из Киева 3 февраля 1246 года) и был принят кыпчакским ханом Батыем 4 апреля 1246 года на нижней Волге. Батый направил его к Великому хану через древнюю страну каракитаев на юге Балхаша. Обычно путь проходил через Отрар, Нижний Или и Имиль и через древнюю страну найманов. Плано Карпини прибыл к императорскому двору (Сира — орда) 22 июля 1246 года, который располагался в полдня пути от Каракорума, где собрался курултай. Он присутствовал при избрании Гуйюка, живой портрет которого, благодаря ему, дошел до нас: «Когда он был избран, то ему было примерно сорок или не более сорока пяти лет. Он был среднего телосложения, очень умен, дальновиден, собран, с серьезным видом и выдержанными манерами. Никто никогда не видел его хохочущим или слишком веселым». В плане религиозного мировоззрения Гуйюк проявил благосклонность к несторианству. Плано Карпини утверждает, что несторианцы справляли мессу перед шатром этого монарха. Несторианцами, впрочем, были его несколько министров, его наставник Кадак и кереитский хранитель печати Чинкай⁵¹. Одним из его советников являлся «сирийский раввин» Раббан — ата (по китайски — «Липь-ен-та»), который отвечал при монаршем дворе за дела религии⁵². Это благодаря посредничеству Чинкая и Кадака Плано Карпини изложил задачи своей миссии при монгольском дворе. Однако ответ, который Гуйюк дал на Папское послание, недавно обнаруженный Пеллио в архивах Ватикана, был малоутешительным для христианского мира. В этом ответном тексте монгольский монарх в угрожающем тоне призвал Папу и христианских монахов до того, как рассуждать о распространении христианства, явиться к нему прямо в резиденцию, чтобы выразить свое почтение. Гуйюк сам по себе представлял власть, данную ему, как нечто божественное. Он говорил от имени Вечного Неба (по-тюркски — «Мангу Тангри», по-монгольски — «Монка Тангри»), словно высший представитель божественности и третейский судья различных вероучений⁵³.

Получив ответ Гуйюка, Плано Карпини покинул Сира — орду 13 ноября и вернулся обратной дорогой по Нижней Волге к резиденции Батыя, до которой он добрался 9 мая 1247 года. На Запад он вернулся через Киев.

Армянский коннетабль Сампад, которого его брат — царь Армении (Цилиции) Хэтум I в тот же период отправил к Гуйюку